

Александр Восьмой

**Ужасы:
Последний
рубеж**

Александр Восьмой

Ужасы: Последний рубеж

«Автор»

2026

Восьмой А.

Ужасы: Последний рубеж / А. Восьмой — «Автор», 2026

Последний рубеж: сталь и пепел. На границе обитаемого мира стоит линия укреплений, сдерживающая орды чудовищ. Когда одна из башен падает, волна тьмы начинает сметать всё на своём пути. Командиры должны принять решение: отступить и спасти тысячи или стоять насмерть, рискуя всем.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Ужасы: Последний рубеж

Глава 1. «Падение Чёрного Зуба»

Рассвет не принёс облегчения. Он пришёл как насмешка — бледный, дрожащий, будто сам свет боялся коснуться земли. Над хребтом, где скалы сжимали узкий перевал в стальной капкан, небо наливалось багровым, словно кто-то пролил кровь по куполу мира.

Башня «Чёрный Зуб» стояла здесь веками — семидесятиметровая игла из литого камня и броневых пластин, прошитая рельсами подъёмников, усеянная огневыми точками, как шрамы на теле ветерана. Она видела десятки осад, выдерживала удары чудовищ, чьи когти оставляли лишь царапины на её броне. Считалось, что «Чёрный Зуб» не падёт, пока бьётся сердце последнего защитника.

Но сегодня сердце замолчало раньше, чем пришла смерть.

Первые толчки начались ещё до рассвета. Лёгкие, едва заметные — будто земля вздыхала во сне. Потом — сильнее. Скалы застонали, швы между плитами поползли, как трещины на льду. А затем из разлома, который годами считался просто геологической аномалией, вырвался вой.

Это не был рёв зверя. Это был звук, ломающий восприятие: он проникал под кожу, царапал изнутри череп, заставлял зубы вибрировать. Солдаты хватались за шлемы, будто могли выдавить этот звук пальцами. Техники в командном бункере смотрели на экраны, где показатели датчиков срывались в красную зону, а потом и вовсе уходили в ноль. Связь пропала первой — не просто помехи, а абсолютная тишина, будто кто-то вырезал их из мира.

Капитан Эдан стоял на смотровой галерее и смотрел вниз, туда, где разлом раскрывался, как пасть. Его пальцы сжимали поручень так, что металл скрипнул. Он не верил в предзнаменования, но сейчас ему казалось, что земля не просто дрожит — она отталкивает их, сбрасывает с себя, как паразитов.

— Доклад! — рявкнул он в пустоту, хотя знал, что никто не ответит.

Внизу, у подножия башни, отряд разведчиков уже растворился в багровом тумане. Сначала пропали голоса, потом — сигналы маячков. А потом из тумана вырвались силуэты: не люди, не звери, а сгустки тьмы, принимавшие форму, чтобы тут же её потерять. Они двигались не по земле — они скользили по воздуху, цепляясь за трещины, за выступы, за самую ткань реальности.

Один из прожекторов, самый мощный, ударил лучом в гущу тумана. На мгновение тьма отступила, и в этом мгновении мелькнули очертания: сотни, тысячи фигур, сплетающихся в единый организм, как рой насекомых, только вместо крыльев у них были тени. Луч дрогнул, будто наткнулся на что-то вязкое, и начал тускнеть, словно тьма пожирала свет.

А потом «Чёрный Зуб» вздрогнул.

Не от удара. Не от взрыва. От чего-то изнутри. Будто сама башня поняла, что умирает.

Трещины побежали по стенам, как молнии. Броневые пластины лопались, словно тонкая фольга. Кабели рвались с хлопками, похожими на выстрелы. Лифты сорвались вниз, унося с собой крики, которые оборвались слишком быстро.

Эдан отшатнулся, когда под его ногами плита сдвинулась на сантиметр. Он посмотрел на свои руки — они дрожали. Не от страха, а от вибрации, которая шла из самой земли.

Снизу донёсся грохот — не просто падение камня, а смерть конструкции. «Чёрный Зуб» наклонился. Медленно, издевательски медленно, будто не хотел верить в свою гибель. А потом рухнул.

Каменная глыба, усиленная сталью, падала, ломая собственные опоры, поднимая тучи пыли и пепла, которые тут же окрашивались в багровый цвет. Удар сотряс хребет. Скалы треснули, открывая новые разломы. И из этих разломов хлынула тьма.

Она не текла, как вода. Она распространялась, как зараза. Поглощая свет, искажая пространство, стирая границы между камнем и воздухом, между жизнью и тишиной.

Когда пыль осела, от «Чёрного Зуба» осталась только груда обломков и тень, которая не исчезала даже под лучами восходящего солнца.

На командном пункте, где экраны давно погасли, а лампы мигали в такт дрожанию пола, полковник Вэрс смотрел на карту, где красная зона разрасталась с неестественной скоростью. Рядом стояли офицеры — бледные, напряжённые, готовые услышать любой приказ, кроме одного.

— Отступаем, — тихо, почти шёпотом, произнёс Вэрс, и это слово прозвучало как приговор.

Но лейтенант Кира, стоявшая у двери, не двинулась с места.

— Если мы отступим, — сказала она, глядя прямо на полковника, — волна пойдёт дальше. Города, поселения, миллионы людей... Мы не можем просто уйти.

Вэрс поднял на неё глаза, в которых не было ни гнева, ни раздражения — только тяжесть выбора, который он не хотел делать.

— Мы не можем удержать рубеж, — ответил он. — Башня пала. Линия прорвана. Если мы останемся, погибнут все.

Кира сжала кулаки. Её взгляд скользнул к окну, где сквозь пыль пробивался багровый свет.

— Тогда мы задержим их, — сказала она. — Хоть на час. Хоть на десять минут. Этого хватит, чтобы эвакуировать тех, кто ближе всего.

Полковник молчал. Секунды тянулись, как часы. А за стенами, в багровой мгле, тьма уже подбиралась к следующим укреплениям.

Наконец Вэрс кивнул.

— Собери добровольцев, — сказал он. — Кто останется — останется по своей воле.

Кира развернулась и вышла, не оглядываясь. В коридоре её уже ждали. Солдаты, инженеры, медики — все, кто не успел или не захотел уйти. Их было немного. Но в их глазах горела решимость, которую не могла погасить даже эта багровая тьма.

Они знали: «Чёрный Зуб» пал. Но последний рубеж ещё держался — в их сердцах, в их воле, в их готовности стоять до конца.

И когда первые тени коснулись обломков башни, отряд Киры шагнул вперёд, навстречу тьме, с оружием, которое уже не могло гарантировать победу, но могло подарить время.

Время, за которое стоило умереть.

Глава 2. «Голос из пепла»

Пепел кружился в воздухе, как проклятие, оседая на броне, на лицах, на стволах орудий — серый, тяжёлый, будто сам мир рассыпался на части. В лагере царила тишина, но это была не тишина покоя — это была тишина, рождённая страхом: люди боялись говорить громко, словно звук мог притянуть тьму.

В командном бункере, где стены дрожали от далёких подземных ударов, совет командиров напоминал суд. На столе лежала карта — полоса укреплений, тонкая линия, отделявшая жизнь от бездны. И эта линия теперь была порвана в самом уязвимом месте — там, где ещё недавно стоял «Чёрный Зуб».

Дверь распахнулась с лязгом, и в помещение ввалился часовой. Он едва держался на ногах: форма превратилась в лохмотья, лицо было покрыто сажей и запёкшейся кровью, а в

глазах застыл ужас, который не стирается даже смертью. Он рухнул на колено, с трудом переводя дыхание, и прохрипел:

— Они... они не просто идут. Они стирают всё. Там, где они прошли, не остаётся ничего. Ни связи, ни света, ни... даже времени.

Полковник Вэрс шагнул к нему, схватил за плечи, встряхнул — не грубо, но так, чтобы вернуть к реальности.

— Что ты видел? Говори чётко.

Часовой поднял на него взгляд, в котором не было ни гордости, ни бравады — только голая правда, которую страшно произносить вслух.

— Я был на аванпосту «Эхо-Три». Мы держали периметр, ждали подкрепления... А потом погасли огни. Сначала лампы, потом экраны, потом даже аварийные фонари. И тишина... такая, что слышно, как кровь стучит в висках. А потом я услышал голоса. Не наших. Чужих. Они звучали... внутри головы. И когда я выбежал наружу, там уже не было поста. Только пепел. И тень, которая двигалась, будто знала, что я смотрю.

По залу прокатился шёпот, похожий на стон. Техник, сидевший у панели, поднял глаза, в которых плескался первобытный страх.

— Это невозможно. Даже при полном обесточивании должны оставаться следы: конструкции, обломки, хоть что-то. А если там только пепел... значит, материя... исчезает.

— Или преобразуется, — тихо добавил майор Торн, ветеран трёх пограничных войн, человек, который видел столько ужасов, что давно перестал верить в случайности. Его голос звучал спокойно, но в нём звенела сталь. — Это не атака. Это поглощение. Пространство перестаёт быть собой. И если мы не уйдём сейчас, мы станем частью этого пепла.

Лейтенант Кира стояла у стены, сжав кулаки так, что побелели костяшки. Её взгляд метался между картой и лицами командиров, и в груди разгорался гнев — не на врага, а на саму необходимость выбирать между долгом и жизнью.

— Мы не можем просто уйти, — сказала она, и голос её прозвучал твёрже, чем она сама ожидала. — Если мы отступим, волна пойдёт дальше. Города, поселения, миллионы людей... Мы — последний рубеж. Мы должны удержать позицию.

Торн медленно повернулся к ней. В его взгляде не было презрения — только усталость человека, который слишком долго видел, как идеализм сталкивается с реальностью.

— Последний рубеж, девочка, — произнёс он мягко, но безжалостно, — это не стена и не башня. Это понимание, когда нужно отступить, чтобы спасти тех, кто ещё может жить. Если мы останемся здесь, мы не задержим их. Мы просто станем ещё одним слоем пепла. А те, кто уйдёт, смогут построить новую линию обороны.

Кира побледнела, но не отступила.

— А если мы уйдём, кто скажет, что новая линия будет прочнее? Кто даст гарантию, что тьма не настигнет их раньше, чем они успеют окопаться? Мы обязаны попробовать. Долг требует...

— Долг требует не героизма, — оборвал её Торн, и в зале стало так тихо, что было слышно, как трещит проводка под потолком. — Долг требует расчёта. И сейчас расчёт говорит: мы теряем слишком много, если остаёмся.

Вэрс поднял руку, прерывая нарастающий спор. Его лицо было серым, как пепел за стенами бункера.

— У нас есть данные? Подтверждение его слов?

Техник кивнул, дрожащими пальцами разворачивая голограмму. На ней была зона вокруг «Чёрного Зуба» — и там, где должен был быть аванпост, зияла аномалия: пятно, которое не фиксировалось ни одним датчиком, будто пространство просто... стёрли.

— Радиус аномалии растёт, — прошептал техник. — Каждые десять минут — плюс две-сти метров. Через шесть часов она достигнет следующего опорного пункта. Через двенадцать — выйдет к транспортному узлу.

Зал замер. Теперь это был не спор о принципах — это был приговор.

— Эвакуация, — наконец произнёс Вэрс, и слово прозвучало как удар колокола. — Начинаем немедленно. Все подразделения сворачивают позиции и отходят к линии «Омега». Это не поражение. Это перегруппировка.

Кира сделала шаг вперёд, но Торн мягко, но твёрдо положил руку ей на плечо.

— Ты хочешь быть героем, — тихо сказал он. — А я хочу, чтобы ты осталась жива. И чтобы те, кого ты могла бы спасти, тоже остались живы. Иногда самое трудное решение — это уйти.

Она хотела возразить, но слова застряли в горле. Вместо этого она кивнула, коротко и резко, словно отсекая собственные эмоции.

— Тогда я останусь с арьергардом, — сказала она. — Кто-то должен прикрывать отход. Кто-то должен убедиться, что тьма не догонит наших.

Вэрс хотел было возразить, но тут же понял: запрещать бесполезно. В её глазах читалась решимость, которую не сломить приказом.

— Хорошо, — кивнул он. — Но не геройствуй. Твоя задача — задержать, не погибнуть. Поняла?

— Поняла, — ответила она, выпрямляясь, и в этот момент из коридора донёсся грохот, заставивший стены содрогнуться.

Сирена взвыла — не привычный ровный сигнал, а прерывистый, искажённый, будто сама система кричала от боли. На панели вспыхнули красные метки: тьма приближалась быстрее, чем показывали расчёты. Аномалия росла не линейно — она ускорялась.

Торн первым сорвался с места, выхватывая рацию.

— Всем постам! Немедленная эвакуация! Повторяю: немедленная эвакуация! Тьма на подходе!

Кира метнулась к выходу, но на пороге остановилась и обернулась. В зале царил хаос: офицеры выкрикивали приказы, техники пытались запустить резервные системы, но экраны гасли один за другим, словно тьма пожирала их изнутри.

И в этой суматохе Вэрс смотрел на карту, на тонкую линию, которая таяла на глазах, и шептал, будто самому себе:

— Прости нас, «Чёрный Зуб». Мы не смогли тебя удержать. Но мы не позволим, чтобы твоя жертва была напрасной.

Кира выбежала наружу, в пепельный рассвет, где небо было цвета остывшей крови, а воздух пах гарью и смертью. Перед ней раскинулся лагерь — хаос бегущих фигур, грохот гусениц, крики, перекрывающие вой сирен.

А на горизонте, там, где заканчивалась земля и начиналась бездна, клубилась тьма. Она не спешила. Она знала, что добыча уже никуда не денется.

Кира сжала рукоять пистолета, чувствуя, как холод металла проникает в кожу, и сделала первый шаг навстречу надвигающейся буре.

— Держитесь, — прошептала она, обращаясь ко всем, кто был рядом, и к тем, кто уже ушёл, и даже к тем, кто ещё не родился. — Мы выиграем вам время.

Тьма ответила ей шёпотом, который прозвучал не снаружи, а внутри головы: тихий, насмешливый, обещающий, что никто не уйдёт.

Но Кира не слушала. Она смотрела вперёд — туда, где нужно было стоять, даже если стены рушились, даже если земля превращалась в пепел, даже если голос из тьмы пытался убедить её, что всё уже кончено.

Потому что пока она стояла — рубеж держался.

Глава 3. «Тени на стенах»

Ночь пришла не как обычное угасание дня, а как вторжение. Она не опускалась медленно — она обрушилась, словно небо раскололось и пролило на землю густой, маслянистый мрак. Пепел, кружившийся в воздухе весь день, теперь слипся в тяжёлые хлопья, которые падали, будто застывшие слёзы мира.

Лагерь жил на нервах и электричестве — но электричество слабело. Прожекторы, выстроенные по периметру, светили теперь не с прежней уверенностью: их лучи дрожали, как усталые руки, и, врезаясь в тьму, не отталкивали её, а будто растворялись в ней, теряя силу на полпути. Казалось, что тьма не просто поглощает свет — она издевается над ним, позволяя ему пробиться лишь на несколько метров, чтобы затем тихо задушить.

Кира стояла на наблюдательном выступе, вцепившись пальцами в холодный металл ограждения. Её взгляд скользил по линии огней, по тёмным провалам между ними, по стенам, на которых плясали искажённые тени. Но эти тени были... неправильными. Они двигались не в такт ветру, не в такт шагам патрульных. Они повторяли движения солдат — с крошечным, едва уловимым запозданием, как будто учились быть людьми.

— Лейтенант, — голос рядового Марко прозвучал в наушнике хрипло, с треском помех, будто связь пробиралась сквозь саму тьму. — Тут... тут что-то не так с тенями. Они... они шевелятся сами по себе.

Кира прищурилась, вглядываясь в темноту. На стене, метрах в тридцати от позиции Марко, тень солдата действительно двигалась отдельно от него: она скользнула в сторону, потом вернулась, будто примеряясь, и на мгновение стала чуть плотнее, почти осязаемой.

— Держи дистанцию, — приказала Кира, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри всё сжималось от ледяного предчувствия. — Не подходи близко к стенам. И не смотри на тени. Просто держи периметр.

Но было уже поздно.

Первый сигнал тревоги пришёл не по рации, а криком. Коротким, оборванным, будто кто-то зажал рот ладонью в самый последний миг.

— Пост «Дельта-Четыре»! — рявкнула Кира в микрофон. — Доложите!

Тишина. Не просто отсутствие ответа — тяжёлая, вязкая тишина, которая давила на уши сильнее любого шума.

Она сорвалась с места, перепрыгивая через ящики, огибая брошенные инструменты, и выбежала на открытую площадку. Внизу, у южной стены, прожектор выхватывал из тьмы участок земли, покрытый пеплом. И на этом участке лежало снаряжение: шлем, бронежилет, автомат — аккуратно, будто снятое перед сном. Но самого бойца не было. Только пустая форма, будто он растворился, оставив после себя лишь оболочку.

Рядом стоял другой солдат, бледный, с расширенными глазами, и смотрел на эти вещи так, будто они были прокляты.

— Он только что был здесь, — прошептал он, не слыша собственных слов, потому что голос тонул в этой тишине. — Мы говорили... он пошутил... а потом... тень накрыла его. Я видел, как она... обняла его. И он просто... исчез.

Кира шагнула к снаряжению, протянула руку, но остановилась, не коснувшись. Ей вдруг показалось, что металл холодит даже на расстоянии, будто впитал в себя не тепло тела, а сам факт его исчезновения.

— Всем постам! — её голос теперь звенел, как натянутая струна. — Никаких одиночных выходов. Держаться группами. Огонь только по прямой видимости. И... не смотрите на тени.

Но тени уже были везде.

Они скользили по стенам, как живые чернила, растекались по земле, сливались и разделялись, принимая формы, которые мозг отказывался принимать: силуэты людей, зверей, чего-то,

что не имело названия. Они не нападали напрямую — они ждали. Они учились. Они копировали.

На северной стороне вспыхнул ещё один крик, затем второй. Потом стрельба — короткие, панические очереди, которые тут же обрывались, будто стрелявший вдруг понял, что пули не помогут.

Торн появился рядом с Кирой, тяжёлый, спокойный, как скала посреди бури. В руке он держал тяжёлый фонарь с узким, жёстким лучом.

— Это не твари, — сказал он, не глядя на неё, а всматриваясь в темноту, где тени сплетались в странные узоры. — Это... эхо. Тьма делает копии. Копии наших страхов, наших движений, наших привычек. Они знают, как мы ходим, как мы смотрим, как мы боимся.

— Значит, надо перестать бояться, — ответила Кира, хотя сама чувствовала, как страх ползёт по спине, холодный и липкий.

— Нет, — Торн покачал головой. — Значит, надо стать непредсказуемыми. Надо сломать шаблон.

Он шагнул вперёд, к стене, где тень уже почти слилась с камнем, становясь частью кладки. Луч его фонаря ударил прямо в неё — и на мгновение тень замерла, будто обожжённая. Она не исчезла, но сжалась, съёжилась, как живое существо, которому причинили боль.

— Видишь? — Торн кивнул, не отводя взгляда. — Свет их ранит. Не убивает, но ранит. Значит, мы можем их сдерживать. Но нам нужно больше света. Нам нужно... сжечь эту ночь.

Кира кивнула, уже отдавая приказы по рации:

— Активировать все резервные прожекторы. Включить сигнальные ракеты. Подготовить термоосветительные заряды. Мы не дадим им темноты.

По периметру начали вспыхивать огни — не яркие, но настойчивые. Сигнальные ракеты взмывали в небо, оставляя за собой огненные хвосты, которые тут же пожирались тьмой, но успевали выхватить из неё жуткие картины: ряды теней, стоящих неподвижно, будто в ожидании; пустые окопы; оружие, брошенное там, где секунду назад стояли люди.

Один из прожекторов вдруг замигал, потом загудел, как раненый зверь, и погас. Тьма тут же хлынула на освободившееся место, плотная, почти материальная. Из неё выступили силуэты — десятки, сотни фигур, которые не шли, а скользили, повторяя движения друг друга, как в жутком танце.

— Огонь! — рявкнул Торн, и залпы ударили по линии фронта, разрывая темноту вспышками.

Тени не падали. Они не истекали кровью. Они просто... рассеивались на мгновения, чтобы собраться снова, чуть ближе.

Кира подняла свой автомат, прицелилась в самую плотную группу силуэтов и нажала на спуск. Пули прошивали тьму, но не находили цели — или находили, но не так, как ожидалось. Тени вздрагивали, как от удара, но не исчезали. Они впитывали выстрелы, будто питались ими.

И тогда она поняла: они не просто копируют движения. Они учатся. Каждый выстрел, каждый шаг, каждый взгляд — это урок для них. И если они выучат достаточно, они станут неотличимы от людей.

— Отходим к центральному бункеру! — крикнула она, перекрывая грохот и вой. — Перегруппироваться! Держать строй! Не разрывать цепь!

Солдаты отступали, птясь, не сводя глаз с темноты, которая наступала, плотная и безжалостная. Они держались плечом к плечу, как единая стена, и эта стена пока ещё не рушилась.

В бункере Вэрс смотрел на экраны, которые гасли один за другим. Последний рабочий монитор показывал тепловую карту периметра — и на ней было видно, как холодные пятна теней смыкаются вокруг лагеря, образуя кольцо, которое сжималось с каждой секундой.

— Мы не удержим периметр, — тихо произнёс он, скорее себе, чем кому-то ещё.

— Удержим, — ответила Кира, входя в помещение, мокрая от пота, покрытая пеплом, с глазами, в которых горел огонь, не уступающий ярости тьмы. — Пока мы вместе, пока мы не даём им темноты, мы удержим.

Торн вошёл следом, тяжело дыша, и положил руку на плечо Вэрса.

— Нам нужно время, — сказал он. — Время, чтобы эвакуировать тех, кто ещё может уйти. И мы его купим. Любой ценой.

Вэрс кивнул, и в его взгляде мелькнуло то, что бывает только у людей, принявших тяжёлое решение: спокойствие, смешанное с горечью.

— Тогда готовьте бункер к автономному режиму, — приказал он. — И подготовьте... последний рубеж. Если они прорвутся сюда, мы не дадим им пройти дальше.

За стенами бункера тьма уже касалась дверей, холодная, терпеливая, уверенная в своей победе. Но внутри, среди людей, которые стояли плечом к плечу, горел огонь, который не так просто погасить.

Ночь ещё не закончилась. И рубеж ещё держался.

Глава 4. «Сталь против пустоты»

Рассвет не принёс облегчения — он лишь обнажил масштаб надвигающейся катастрофы. Небо над перевалом стало тёмно-багровым, будто пропиталось кровью земли, а воздух дрожал, как натянутая струна, готовая лопнуть от напряжения.

Перед укреплениями, там, где ещё вчера тянулась ровная линия горизонта, теперь клубилась тьма. Она не стояла неподвижно — она дышала. Волны мрака накатывали на периметр, и с каждым новым приливом из них выступали чудовища. Их тела были сплетены из теней и осколков камня, острые грани которых ловили редкие лучи света и тут же гасили их, словно пожирая саму возможность видеть. Фигуры двигались не как звери и не как люди — они скользили, перетекали из одной формы в другую, будто не имели постоянной материи, а лишь временно принимали очертания, чтобы тут же их потерять.

На огневых позициях артиллеристы сжимали рычаги, их пальцы побелели от напряжения. Орудия, выстроенные в линию, напоминали стальные хребты древних чудовищ — мощные, грозные, готовые обрушить на врага всю ярость металла и огня.

— Залп! — голос командира батареи прозвучал резко, как удар хлыста, и тут же утонул в грохоте.

Пушки ударили одновременно. Вспышки озарили поле боя, на мгновение разорвав пепельную мглу. Снаряды устремились вперёд, оставляя за собой огненные хвосты, и казалось, что сама земля вздрагивает от этой ярости.

Но затем случилось то, что сломало привычный порядок войны.

Снаряды не достигли цели. Они не взорвались о тела чудовищ, не разнесли их на куски. Вместо этого, за несколько метров до первой линии врага, ударные волны начали... растворяться. Воздух перед ордой словно стал вязким, густым, как смола, и энергия взрывов не рассеивалась — она исчезала, поглощённая тьмой. Осколки теряли скорость, падали, не долетев, и ударялись о землю с глухим, почти обиженным стуком.

Кира стояла на командном выступе, вцепившись в поручень, и смотрела на это с нарастающим ужасом. Она видела, как тьма «съедает» ударную волну: сначала вспышку, потом звук, потом саму силу, которая должна была разорвать врага. Это было не сопротивление — это было отрицание самой возможности нанести урон.

— Продолжать огонь! — кричал командир батареи, но в его голосе уже слышалась паника, смешанная с неверием. — Не останавливаться!

Орудия били снова и снова. Залпы сливались в непрерывный грохот, вспышки слепили глаза, но результат оставался прежним: тьма принимала удары и становилась только плотнее, будто питалась яростью людей.

А затем из разлома, который разверзся за линией чудовищ, поднялся гигантский силуэт. Он не шёл — он вырастал из самой земли, как воплощение кошмара. Его очертания были размыты, словно контуры рисовали дрожащей рукой, но размеры не оставляли сомнений: он возвышался над скалами, заслоняя собой небо. В его движениях не было спешки — только холодная, безжалостная уверенность.

Кира почувствовала, как холод пробирается под броню, сковывая мышцы. Она знала: это не просто чудовище. Это знак. Это обещание, что эта атака — лишь начало.

— Переходим на ближние рубежи! — крикнула она в рацию, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Тяжёлые пулемёты, гранатомёты — всё, что может бить прямой наводкой! Не давайте им подойти вплотную!

Позиции ожили новой волной огня. Пулемётные очереди прошивали тьму, гранатомётные выстрелы разрывали пространство, но эффект был удручающе слабым. Тени не падали — они рассеивались на мгновения, чтобы собраться снова, чуть ближе. Осколки камня в их телах отражали свет, превращая поле боя в безумную мозаику вспышек и теней, где невозможно было отличить реальность от иллюзии.

Торн появился рядом с Кирой, его лицо было покрыто пеплом, а в глазах читалась суровая ясность человека, который видел слишком много битв, чтобы верить в лёгкие победы.

— Это не бой, Кира, — сказал он, не сводя взгляда с гигантского силуэта. — Это проверка. Они хотят узнать, сколько у нас осталось сил. И сколько у нас осталось воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.